

Н. Г. КУЗНЕЦОВА (Томск)

К СИСТЕМАТИЗАЦИИ ЯВЛЕНИЙ ТРАНСПОЗИЦИИ В МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЕ

В современной лингвистической литературе термин *транспозиция* (перенос) применяется довольно широко. Транспозицией называют

- 1) взаимное перемещение звуков или слогов в составе слова на ассимилятивной или диссимилятивной основе (= метатеза);
- 2) использование словоформы или синтаксической структуры в функции своего противочлена в парадигматическом ряду (транспозиция наклонений, времен, коммуникативных типов предложения);
- 3) метафорическое создание слова или его метафорическое употребление (семантическая транспозиция);
- 4) перевод слова или основы из одной части речи в другую или употребление в функции другой части речи (функциональная транспозиция, в которой различают два этапа: а) неполную, или синтаксическую транспозицию, когда изменяется лишь синтаксическая функция исходной единицы без изменения ее принадлежности к части речи; средством транспозиции при этом может выступать словоформа, служебное слово, десемантизированное слово в полуслужебной функции или окружение; б) полную, или морфологическую транспозицию, когда образуется слово иной части речи; ее средством является аффиксация и конверсия) (Ахманова 1966 : 231, 480; ЛЭС 519).

Разработка теории транспозиции была начата для ономотологии (общей теории номинации) Ш. Балли и продолжена О. Есперсенем, А. Сеше, А. Фреем, Л. Теньером. В российском языкознании к ней обращались прежде всего в связи с вопросами словообразования, синтаксической синонимии, семантического синтаксиса, теории тропов, трансформационного метода (Балли 1955; Есперсен 1958; Кубрякова 1978; Соболева 1980; Гак 1986; Теньер 1988; ЛЭС 519). Хотя термин *транспозиция* используется при описании явлений морфологической парадигмы, соответствующая теория применительно к этой области пока развития не получила. В данной статье предпринимается попытка систематизации случаев транспонированного употребления наклонений и времен в южных диалектах селькупского языка на основе семантического и функционального сопоставления словоформ по аналогии с тем, как осуществляется систематизация явлений при создании номинативных единиц. Для теоретического осмысления описываемых явлений селькупской глагольной парадигмы привлекаются данные родственных и неродственных языков.

Наблюдение за функционированием селькупских наклонений и времен в синтагматике (Кузнецова 1988; 1991; 1992; Гальцова, Кузнецова 1993) позволяет выделить два основных типа переносного употребления словоформ модально-темпоральной парадигмы — семантический и функциональный.

1. Семантическая транспозиция объединяет случаи использования словоформ вместо своего противочлена в парадигматическом ряду: одного наклонения или времени вместо другого.

1.1. Семантическая транспозиция может предполагать снятие (нейтрализацию) бинарного противопоставления сигнификатов (означаемое словоформы), когда устраняются различия в семантике морфологических единиц, обладающих определенным семантическим сходством, и происходит упрощение структуры грамматического значения транспонируемой словоформы за счет элиминации некоторых его составляющих. Этот тип транспозиции представляют:

1.1.1. Транспозиция императива в сферу употребления опатива и, наоборот, опатива в сферу употребления императива, при котором наблюдается нивелирование тонких модальных оттенков волеизъявления, носящее двусторонний характер. Так, парадигматическим значением императива в южных диалектах селькупского языка выступает волеизъявление говорящего, требующее немедленного исполнения (волеизъявление в сочетании с необходимостью совершить действие). Оно обычно реализуется в приказе (приказ: импульс каузации — от говорящего, исполнение каузируемого действия — в интересах говорящего, говорящий ставит себя или стоит выше слушающего (Храковский, Володин 1986 : 138)): нар. *čündemdä tappolode inne bažešp-əḵ* '(человек) коня своего пнул: «Вставай!»' (из сказки); об. *оллага t'araŋ könt onent mistayənt kβan-kə t'egil'd'-ek* 'голова сказала: «Лошадь, иди на свое место, распрягайся!»' (из сказки); кет. *nom t'araŋ kβen-ak meŋnaŋ* 'Бог сказал: «Уходи от меня!»' (из сказки). Иногда значение волеизъявления названного типа может реализоваться в форме категорической просьбы (просьба: импульс каузации — от говорящего, исполнение каузируемого действия — в интересах говорящего, говорящий ставит себя в ситуации не выше слушающего (Храковский, Володин 1986 : 139)): тым. *tebit somblazar čilogram iatit a karit nimba bal'il'ežiga tünža meka bažet mek-eš tat koroyon kβitpinaŋd* 'они 50 кг взяли, а утром бабушка Варвара пришла (букв. приходит): «Мне мясо дай, ты медведя добыл!»'; кет. *innezat kariniat tündä lerimbot irra šinat missal-ak* 'братья кричат: «Мы огня боимся, старик, нас выдерни (из огня)!»' (из сказки); об. *iga udou t'ik-et udou t'ik-et* 'сын, руки мои развяжи, мои-руки развяжи!' (из сказки).

Южноселькупский опатив, выражая волеизъявление в сочетании с желательностью действия, противостоит императиву в плане оттенков волеизъявления (необязательность / обязательность немедленного исполнения). Формы желательного наклонения в предложениях с побудительной целеустановкой обычно передают пожелание или предложение совершить действие, а также некатегорическую просьбу. Предложение (импульс каузации — от говорящего, исполнение каузируемого действия — в интересах слушающего (= исполнителя) или совокупного исполнителя, куда входит и сам говорящий, при этом говорящий ставит себя не выше слушающего (Храковский, Володин 1986 : 167)): тым. *loḵa tal'domdi pōne t'ažid aβešpi-le-l kanaŋ mat tal'dom* 'лиса свой хвост наружу высунула: «Ешь, собака, мой хвост!»' (из сказки); об. *onenž poroḵomt natka-le-l tugondo to* 'очисти свою одежду от ила!'; (некатегорическая) просьба: тым. *loḵa tūjβa neβani mađinī üdi-*

le-l mazij onenzini matti bargigu 'лиса пошла к зайцу, просит: «Пусти меня к себе в дом жить!»' (из сказки); об. *koralži-le-l tabi tünd kalgu* 'позволь ему здесь остаться'; нар. *mažik üd-lj-nd tündakto mēndugu* 'позволь мне пройти'.

Следовательно, использование императива а) для передачи предложения, пожелания совершить действие: кет. *nom piššene megnan illek-ak* 'Бог рассмеялся (предлагает): «Ты у меня поживи!»' (из сказки); тым. *apsim kaljmsane teben kanajm meat afešp-et padi nunžand* 'еда осталась, ее собаке своей отдал: «Ешь, поди устала ты»; нар. *maž-ed onenzekend najp* 'отрежь себе хлеба'; об. *estā tarij sijal-ga päit'ön parottā kodd-ak* 'отец сказал: «Залезь на печь, спи»; б) при выражении пожелания на будущее: нар. *taper šenišan-de šastliřak barg-i-li* 'теперь с женихом своим двое-живите счастливо' (из сказки); *mīyont ne nādji načat tē-i-jaχ* 'нам они не нужны, пусть они там стгнут — двое' (из сказки) и т.п. можно рассматривать как его транспозицию в сферу употребления оптатива. В свою очередь передача формами оптатива приказа или категорической просьбы указывает на использование оптатива в императивном значении: нар. *okij minutar kβel-le-nde* 'сию же минуту поезжай' (см. также Морева 1975 : 124).

1.1.2а. Транспозиция конъюнктива в сферу употребления оптатива. Южноселькупский конъюнктив (имеются в виду только формы без заимствованной из русского языка частицы *pj* и ее вариантов) передает обычно потенциальное действие, нейтральное в плане реальности / ирреальности (= модальный футурум). Оно реализуется как желательное (кет. *kβen-ne-m* (< **kβetnem*) *man loyam* 'поймать бы мне лису'), возможное (об. *kalķin tan konžirsal a štoji čumbanelła i konneralla ilła-ne-t ok^a ortanķen* 'где ты видел, чтобы волки и овцы жили (могли жить) в одном дворе?'), необходимое (нар. *tolmatķit mölžimba-ni* 'комната должна быть прибрана'). Транспозиция конъюнктива в сферу употребления оптатива имеет место при передаче слабо выраженного (некатегорического) побуждения к действию (желательность со слабым оттенком волеизъявления или просто желательность): а) в случае совета, предложения совершить действие: кет. *madarbi-ni-ndj madat-ko* 'попросил бы ты дом' (из сказки); тым. *tūke-ne-ndj χoš moš bit ķoroyi kβellendse* 'пришел бы ты хоть, может быть, медведя добудешь'; нар. *pajandj tēnrla tattj iķi kβanb-ni-nd* 'жена(-его) говорит: «Ты бы не ходил»' (из сказки); б) при передаче пожелания на будущее: кет. *prašaj pušt tendene sajlal e-ne-ti kak meņa man ķolam* 'прошай, пусть тебе твои глаза будут (они-двое), как мне мои уши!' (из сказки).

1.1.2б. Использование оптатива для передачи действия футурального временного плана, когда подавление инвариантного модального значения волеизъявления сопровождается выделением временного. Так, формы оптатива, передавая волеизъявление говорящего, не требующее немедленного исполнения, неизбежно сочетают модальное значение с временным. Однако последнее в формах оптатива может до известной степени отделяться от модального. Это происходит прежде всего в позиции наименьшей мотивации — в формах 1 л. Именно в них футуральное значение менее всего связано с инвариантным модальным, в то время как в остальных случаях они практически нерасчленимы (ИТМГЯ 108; Кузнецова 1988 : 191).

Для синхронии передача оптативом действий в будущем без выражения волеизъявления может расцениваться как транспозиция в сферу употребления футурума индикатива. Она увязывается с наличием общего компонента в семантике двух форм: это реальность совершения действия в будущем. Транспозиция оптатива в сферу употребления будущего време-

ни во всех южных диалектах селькупского языка за исключением кетского, где имеет место развитие оптатив > адхортатив (> императив), имеет устойчивый характер. В них желательное наклонение выступает одним из средств футурализации действия: нар. *man temńam ačendak tab ček tj-la* 'я брата моего жду, он скоро придет'; об. *tab koček tabep kbatpadə tab tapžellak tö-la* 'он много белок добыл, он сможет раньше вернуться домой'; тым. *mat nartase palt'ile malķančam meri-le-ps* 'закончу на нарте ездить и продам ее' (Кузнецова 1988).

В то же время исторически использование оптатива для передачи действия в будущем представляет собой транспозицию в сферу употребления (реального) конъюнктива: футурум в селькупском языке принадлежит к очень поздним образованиям (ср. выполнение оптативом функций ирреального конъюнктива: таз. CL *eeme tyj-lä = eeme tyuse-ee-ne* 'кабы он пришел' (оптатив = конъюнктив); *eeme njäänjem mi-le-d* 'кабы хлеб мне дал'; *tat tääle tjeel maater-lä-nd (maatersand-e-ne), man komde misamene* 'если бы ты вчера просил (оптатив, конъюнктив), я бы деньги дал'). Следовательно, случаи а) и б) могут быть объединены в один и представлены как взаимная функциональная заменяемость конъюнктива и оптатива.

Транспонированное использование словоформ категории наклонения типа 1.1.1. и 1.1.2., по-видимому, имело место в истории многих языков и оказалось значимым для преобразований в пределах соответствующей парадигмы, обусловило ее перестройку. Результаты некогда протекавших процессов фиксируют описания сравнительно-исторического плана. Например, славянский императив выводится из индоевропейского оптатива (Мейе 1951 : 264; ИГРЯ 132). Во многих тюркских языках среди форм, выражающих побуждение, только формы 2 л. относятся к собственно императивным, остальные представляют собой разновидности желательного наклонения (Серебрянников 1974 : 241; Храковский, Володин 1986 : 47). Смешение форм оптатива («смягчительного повелительного наклонения») с формами императива предполагается в парадигме финского глагола (Бубрих 1955 : 52). Оптатив влился в повелительное наклонение во всех германских языках (ИТМГЯ 289). В разных языках мира отмечается включение форм конъюнктива в оптативную или императивную парадигму (Храковский, Володин 1986 : 53). Переосмысление форм желательного наклонения во временные (будущее) известно некоторым тюркским языкам (Серебрянников 1974 : 242).

1.1.3. Использование настоящего абсолютного (презентс I) для передачи действия футурального временного плана (транспозиция в сферы употребления будущего времени). Это касается одной из разновидностей настоящего абсолютного, настоящего процессуального общего (характеризационного, периодического, постоянного).

настоящее абсолютное (презентс I)

процессуальное
(от основ несовершенного вида (НСВ))

результативное
(от основ совершенного вида (СВ))

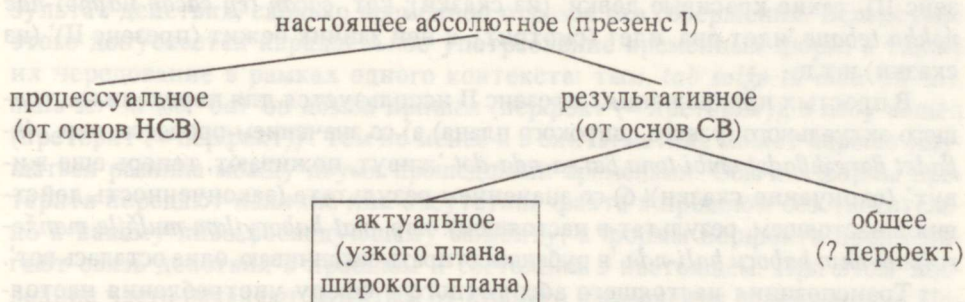
актуальное
(узкого плана,
широкого плана)

общее
(характеризационное, периодическое, постоянное)

Данной разновидности настоящего абсолютного свойственна широкая, неограниченная пределом локализация действия во времени, не исключается начало действия в прошлом, а окончание в будущем: тым. *mat eβem ā ün-dāčat i a čenča* 'моя мать(-моя) не говорит и не слышит' (настоящее характеристическое); кет. *na βottoβan neijyulla ütango pal'duat* 'по этой дороге женщины за водой ходят' (настоящее периодическое); об. *tauga kįdan ĩak-cij* 'этот же вечно курит' (настоящее постоянное). Переносное употребление типично для основ, оформленных суффиксами фреквентативно-итеративной или дуративной семантики. При транспозиции настоящего абсолютного (общего) в сферу употребления будущего деривационные суффиксы в структуре производной основы перестают модифицировать ее лексическое значение, не осуществляют имперфективацию действия, а ведут себя как временные маркеры: тым. *korķ poķop kone tatķal-gā-t ķβelam am-gā-t* 'медведь сеть на берег выташит, рыбу съест' (при *tatķal-gā-gu* 'вытаскивать' НСВ < *tatķalgu* 'вытащить' СВ); нар. *pārgotā inne umd-ešpa lekarstβap mādāgu nadā* 'живот его вздуется, лекарство пить надо' (при *inne umd-ešpā-gu* 'вздуться' НСВ < *inne umdagu* 'вздуться' СВ); кет. *taynnanjį kajn assjį čanžjį-kku-ŋ* 'из этого ничего не выйдет' (при *čanžjį-kku-ga* 'выходить' НСВ < *čanžjįgu* 'выйти' СВ) и т.п. Аналогичные изменения в поведении деривационных суффиксов наблюдаются при обособлении футурума, не вполне самостоятельного с точки зрения формы (совпадает с настоящим временем глаголов имперфектной совершаемости), в тазовском диалекте селькупского языка (ОчСЯ 239).

В самодийских языках использование настоящего процессуального от основ определенного семантического подкласса для передачи действия после момента речи (для синхронии: транспозиция настоящего в сферу употребления будущего), по-видимому, имело широкое распространение. Причем оно оказалось релевантным для развития темпоральной системы, так как вызвало закрепление за соответствующими формами настоящего футуральной сферы и преобразование деривационных суффиксов во временные маркеры при полном или неполном вытеснении из употребления словообразующих формантов. Так объясняется материальная идентичность ненецких, энецких и селькупских (таз., кет., об.) показателей будущего времени и деривационных суффиксов имперфективности (в широком смысле) на синхронном срезе (Терешенко 1965 : 896, 901; Лабанаускас 1976 : 108—112; Сорокина 1984 : 115—120; Гальцова, Кузнецова 1993).

1.1.4. Использование настоящего абсолютного (презент I) для отнесения действия к временному плану прошедшего (транспозиция в сферу употребления перфекта). В данном виде транспозиции участвует такая разновидность настоящего абсолютного, как настоящее результативное.

Оно передает действие, совершившееся незадолго до момента речи и результат которого в настоящем, включающем и момент речи, налицо. Нас-

тоящее резульативное реализуется через настоящее актуальное узкого и широкого плана: об. *t'apte malčed'in* '(вот и) сказка кончилась' (окончание повествования); тым. *taβdel ƙarat βažak* 'сегодня утром встал я'; об. *tab teike tapt'el ƙoralžat ƙβiβr potku* 'она разрешила мне сегодня рыбу сварить'.

Представляется, что в основе расширения синтагматики резульативно-го презенса I лежит прежде всего отсутствие резкого смыслового разрыва между ним и перфектом (а не резульативным претеритом (Гальцова, Кузнецова 1993)). Особенно отчетливо оно проявляется в формах перфекта и презенса I от непереходных основ, передающих резульативное состояние субъекта. Способность же резульативного презенса I передавать действие в прошлом прежде всего в диалогах, прямой речи, т.е. выступать как прошедшее разговорное, не противоречит такому пониманию направления транспозиции: кет. *inat t'araj man onej am-n-am* 'брат их говорит: «Я сам (карасей) съел»' (презенс I); тым. *kutse tü-and nánanse tü-s-ak* 'ты с кем пришел (тогда)?' (презенс I) 'с сестрой пришел' (претерит; указывает на то, что действие в форме презенса I воспринимается как прошедшее); нар. *tat ƙajko ā tö-and talžel ƙβiβžamb-ǰ* 'ты почему не пришел (вчера)?' (презенс I) 'вчера рыбачил' (претерит; указывает, что действие в форме презенса I воспринимается как прошедшее); ср. об. *tabla mat šer-n-at ƙanak poneγot ƙβed'i-mba-t* 'они вошли (презенс I) в дом, а собаку оставили (перфект) на улице'.

1.1.5. Транспозиция настоящего абсолютного (презенс I) в сферу употребления настоящего относительного (презенс II). Формы презенса II обычно связывают передаваемое действие с моментом речи, с моментом восприятия, выражаемыми формами настоящего абсолютного, т.е. представляют собой настоящее в настоящем, и используются в полипредикативных конструкциях с дополнительными, изъяснительными отношениями между главной и зависимой частью: тым. *manjmba-p päk³ kurdešpe-nda* 'смотрю (презенс I): лось бежит (презенс II)'; нар. *tab ƙonžer-n-at na äralžega ƙoldout ött tadere-nda-t* 'он видит (презенс I), (что, как) этот старик с реки воду несет (презенс II)'; кет. *temdǰ ƙonžur-n-ǰt ütman čača-nda ƙarra tatček čača-nda* 'тут он смотрит (презенс I): по воде идет журавль, близко идет (презенс II)' (из сказки). Предложения такого типа могут быть полными (примеры выше) и неполными. Во вторых получение информации происходит только через зависимую часть, а наличие главной с глаголом восприятия, речевой (мыслительной) деятельности подразумевается: тым. *inne niļejak ƙaj sǰrrǰ ƙoroγo ƙoje-nda* 'вверх я поднялся (смотрю), какая корова, медведь ходит (презенс II)'; нар. *niĕa tölade niĕa ƙonne čanžlade nagur nādet amni-nda-t niłǰi ƙβāžadäl nādet* 'туда приехали, там на гору поднялись (смотрят), три девки сидят (презенс II), такие красивые девки' (из сказки); кет. *čāčaj tep čāčaj üdǰmbi-nde niokka tebane* 'идет она, идет (смотрит), к ней зайчик бежит (презенс II)' (из сказки) и т.п.

В простых предложениях презенс II используется для передачи настоящего актуального (узкого, широкого плана) а) со значением процесса: нар. *elk-βadet βargǰkβadət ombi tona βarga-nda-dət* 'живут, поживают, теперь еще живут' (окончание сказки); б) со значением результата (законченность действия в настоящем, результат в настоящем): нар. *mat ƙaborǰlam mulžile manžerešpat okǰr ƙaborǰ ƙali-nda* 'я рубашки стирать заканчиваю, одна осталась вот'.

Транспозиция настоящего абсолютного в сферу употребления настоящего относительного (= настоящего актуального) обусловлена отсутствием резкого смыслового разрыва между настоящим актуальным (относитель-

ным) и настоящим общим (абсолютным), «включающим» себя в сферу настоящего актуального и настоящего неактуального (см. выше). Использование настоящего абсолютного вместо настоящего относительного встречается и в названных полипредикативных конструкциях, и в независимых предложениях, но более характерно для последних. Совмещению сферы функционирования двух настоящих времен, очевидно, способствует и то, что часть глагольных лексем фактически не различает настоящее актуальное и настоящее общее: тым. *man a nađirj-nda-p tan nárńam* 'я не люблю твою сестру (сейчас ~ вообще)'; нар. *manan pãrgem čužu-nda* 'у меня желудок болит (больной) (сейчас ~ вообще)'; об. *sgde udom kuzi-tda* 'две (обе) руки у меня болят (больные) (сейчас ~ вообще)' и т.п.

1.1.6. Использование перфекта (прошлого в настоящем, прошедшего результативного) в значении претерита (простого прошедшего). При таком функционировании в двухкомпонентном значении перфектной словоформы (действие в прошлом + его результат в настоящем) значение результата действия подавляется значением временного отрезка его совершения.

Транспозицию перфекта в сферу употребления претерита, которая имеет место в простых предложениях, следует отличать от семантической разновидности перфекта — транзитивного перфекта от переходных основ совершенного вида. Формы перфекта от таких основ обычно передают результативное состояние объекта действия в сочетании с констатацией факта: тым. *madat moçoyut túl'de na korçom čača-mba-t* 'из-за дома ружьем этого медведя убил'; нар. *kup kãpdibãt kannãžã kãttã-mba-d* 'человек гвоздь в нарту вбил'; об. *tab kbezãl tip kanonž kejtĩ-mba-t* 'он железный гвоздь в нарту вбил'; кет. *tep sendj ĩndam ěrandeni mē-mba-t* 'он новый лук своему отцу сделал'. Но они могут передавать и просто отнесенность действия к прошлому, если образуются от основ, действие которых не может оказать непосредственного воздействия на объект: тым. *tabĩt madan kãajalžĩ-mba-t* 'свой дом обошел'; об. *man kumne õžãt mē-mba-p* 'я человеку слово дал' и т.п. Иначе говоря, для основ такого типа транзитивные перфект и претерит фактически не дифференцируются.

В транспозиции же в сферу употребления претерита занята другая разновидность перфекта, интранзитивный перфект, обычно передающий состояние субъекта как результат предшествующего действия: тым. *orop, šĩnne-mba* 'силы нет (букв. кончилась и нет ее)'; нар. *magĩla ěži-mba karland* 'путья превратились в морду'; кет. *sid'ingãt topoçonde kãbõn-ba* 'сердце его в пятки (букв. в его ноги) ушло'.

Транспозиция интранзитивного перфекта в сферу употребления претерита имеет место в тех случаях, когда для говорящего важен не столько результат действия, сколько временной отрезок его совершения. Вследствие этого допускается параллельное употребление временных форм, а также их чередование в рамках одного контекста: тым. *tab solžã tü-mba (tü-sa), matã šer-sa (šer-ba)* 'он домой пришел (перфект (= претерит)), в избу вошел (претерит (= перфект))'. Тем не менее и в синтагматике может хорошо ощущаться разница между двумя прошедшими временами. Обычно формы претерита передают наличие или отсутствие факта в прошлом безотносительно к какому-либо последующему моменту, а формы перфекта предполагают связь действия в прошлом и состояния в настоящем. При этом последние часто обладают скрытым от прямого наблюдения содержанием. Подобная дифференциация значений перфектной и неперфектной формы прошедшего времени позволяет информантам избирательно обращать вни-

мание то на совершение действия в прошлом, то на его результат в настоящем: тым. *manan tüššə sfa e-s-a a alžiga meri-mba-t* 'у меня ружье хорошее было (претерит), а старуха моя продала (перфект)'; нар. *nik tabə andorot andur-χ-a kβälp naj kβat-pa* 'таким образом, он и на лодке покатался (претерит), и рыбы наловил (перфект)'.

1.2. Семантическая транспозиция при снятии противопоставления денотатов (означаемых предложений, единичных событий) объединяет в селькупском языке те случаи, когда парадигматическое значение грамматической формы, в котором она выступает, не совмещается с ситуацией или со значением других слов в синтагме. Транспозиция типа 1.2. служит подтверждением того, что в семантическом плане предложения, создаваемом соединением денотативного и сигнификативного значений, центральное место отводится сигнификативному (ОЯ 311). Этот вид транспозиции представляют:

1.2.1. Настоящее историческое, или повествовательное, т. е. использование настоящего абсолютного (презент I) независимо от видовой отнесенности основы в контексте прошлого (в рассказах, сказках), при котором формы настоящего исторического придают повествованию особую живость (по Бондарко 1990 : 27 — метафорическое употребление). В случае настоящего исторического нет нейтрализации семантического противопоставления настоящее / прошедшее в плане синтагматики. Настоящее время употребляется здесь в своем значении (Кржижкова 1978 : 192; Бондарко 1990 : 27). Присущее словоформе значение не устраняется, а выявляется, расходясь со значением контекста. При этом создается контраст между собственным значением словоформы и содержанием контекста или речевой ситуации, ведущая же роль сигнификативного значения (глагольной формы) в семантическом плане предложения обуславливает нейтрализацию противопоставления денотатов, ситуаций. Событие «вчера» становится событием «сегодня».

Настоящее историческое, получившее распространение во многих языках мира, является типичным, но не единственным случаем транспозиции данного типа. Сюда же относятся случаи употребления форм прошедшего совершенного для обозначения будущих действий в русском фольклоре, в украинском и сербском языках. А. А. Потебня о подобном функционировании прошедшего писал: «В приведенных и подобных примерах... прошедшие времена так и остались прошедшими. Их грамматическое значение нисколько не затемнилось, не переиначилось, так как, хотя действие, ими обозначаемое, глядя со стороны, есть будущее, но самому говорящему в момент речи оно кажется прошедшим» (Потебня 1958 : 272—273).

1.2.2. Использование настоящего процессуального для отнесения действия к прошлому в предложениях с темпоральными уточнителями: тым. *okkijr kβälget poijndo χelžaro pō čap taččič-ak* 'с одиннадцати лет до семидесяти я охотилась (презент I; букв. охочусь)'; нар. *ugot tajar an ella-r* 'раньше они-двое хорошо жили (презент I; букв. живут)'; об. *tan eγ-andə βargananže d'elət tačan* 'ты был (презент I; букв. есть) в Варгананджине день назад'.

Тот же принцип сохранения за формой ее грамматического значения раскрывается А. М. Пешковским для переносного употребления русского настоящего. Отмечая, что в случаях типа *завтра я уезжаю* имеется противоречие между значением формы и реальными условиями речи, он подчеркивает, что форма настоящего времени здесь не только не теряет своего значения, а, наоборот, «выступает в своем основном значении особенно

ярко, и яркость эта создается как раз противоречием между ней и реальными условиями речи» (Пешковский 1956 : 208—209).

2. Под функциональную транспозицию в модально-темпоральной парадигме селькупского глагола подводятся те случаи, когда финитные глагольные формы ведут себя как представители иного функционального подкласса инфинитных форм (ср.: для словообразования функциональную транспозицию определяют как приспособление слова для выполнения функций иной части речи, перевод (синтаксический, морфологический) слова в иной функциональный класс (Гак 1986 : 63)). Возможность функциональных сдвигов разного рода обусловлена наличием семантической общности у слова (словоформы), словосочетания (синтагмы) и предложения. Этот тип языкового значения, создающий общую семантическую зону для столь различных между собой языковых единиц, получил название пропозитивной номинации (= номинативный аспект предложения и его трансформов (ОЯ 309)).

Функциональная транспозиция словоформ селькупской глагольной парадигмы имеет место в полипредикативных конструкциях, в той их части, которая, будучи зависимой, одновременно имеет и черты коммуникативной автономности, т.е. способна выступать в качестве независимого предложения. Транспозиция финитной глагольной формы в сферу употребления инфинитной может вести к устранению коммуникативной автономности зависимой части (к преобразованию зависимой части — предложения в зависимую именную синтагму — функциональная морфологическая транспозиция). Центральный элемент такого предложения, зависимая предикативная единица, выраженная глагольной формой, трансформируется при этом в ядро номинативной позиции, но его номинативное содержание остается прежним.

Функциональную транспозицию в селькупском языке представляет синтаксическая транспозиция, при которой словоформа модально-темпоральной парадигмы берет на себя функции единицы подкласса инфинитных форм, не переходя в него морфологически. Зависимая предикативная единица, выраженная финитным глаголом, сохраняет личные окончания, выступающие грамматическими признаками коммуникативной автономности. В то же время зависимая часть как предложение приобретает черты знакового заместителя нескольких ситуаций. Синтагматическое значение словоформ модально-темпоральной парадигмы при этом может выходить за рамки значений соответствующего ассоциативного ряда. Этот вид транспозиции в селькупском языке представляют:

2.1. Амодальное (и одновременно атемпоральное) функционирование наклонений в определенных синтаксических структурах: императива, опатива, конъюнктива (имеются в виду формы без заимствованной из русского языка частицы *pj* и ее вариантов) в качестве зависимой предикативной единицы разносубъектных конструкций условия / (шире:) временной соотнесенности — бессоюзных структур, в которые могут вводиться подчинительные союзы.

Условные синтаксические конструкции в селькупском языке — сфера употребления кондиционалиса. Однако три первых наклонения (императив, опатив, конъюнктив) в названных синтаксических структурах не всегда тождественны последнему. Императив, опатив, конъюнктив, с одной стороны, и кондиционалис, с другой, могут образовывать в рамках синтаксической конструкции условия / временной соотнесенности разные семан-

тические модели. Первые три наклонения обычно передают условие в будущем, соотнося действие футурального временного плана в зависимой части с действием аналогичного временного плана в главной части. При этом на отнесение действия к будущему указывают как собственно временные формы индикатива, так и формы наклонений с футуральной ориентацией (императива, оптатива, конъюнктива): нар. *man örgi-ni-k šötķit ķai man mešp-ni-k (mešp-lage)* '(если, когда) я заблужусь (конъюнктив) в лесу, что же я буду делать (конъюнктив, оптатив)?' (из сказки); кет. *i'tenne t'arati ķai tū-i ķutinen as iķ nūkku-t* 'Ите они-двое сказали: «(Если, когда) кто придет (императив), никому не открывай» (императив)' (из сказки); тым. *ķβel-ende miye aβergu kočēk išp-ed* '(если, когда) пойдешь (оптатив) с ними, возьми (императив) с собой много еды (букв. поесть)'.

Кондиционалис же (из южных диалектов он сохранился в кетском) тяготеет к передаче условия в настоящем и прошедшем и используется чаще для соотнесения двух действий одного временного плана: кет. *tassuy e-me sīrrj assj t'ukkuj* 'если (когда) холодно (мороз(но)) есть — кондиционалис, условие в настоящем), снег не тает'; *mat'tondā ķβen-əme mat'toγon ķalijs* 'если он в тайгу пошел (кондиционалис, условие в прошлом), в тайге остался', ср. также *ķβoži-ma-ndā aβerik meŋga ķondəgu mitte* 'если есть хочешь (если голоден — кондиционалис, условие в настоящем), поешь, мне спать дай' (из сказки). В союзных синтаксических структурах с кондиционалисом успешно конкурируют соответствующие времена индикатива: кет. *esli kuratte esuj essamiķ nēβestan ķβerakuβati ženixm potķandj tūkeβat nēβestango* 'если сватанье состоялась (претерит), то родители невесты приглашают жениха через год за невестой'; *ķayi tassuy eγ sīrrj assj t'ule čācaγ* 'если холодно (есть — настоящее абсолютное), то снег не тает'.

При более или менее четко обозначившейся сфере функционирования оптатива, императива, конъюнктива, с одной стороны, и кондиционалиса, с другой, закрепление наклонений за определенными семантическими моделями разносубъектных конструкций условия / временной соотнесенности не носит абсолютного характера. Встречаются случаи выражения прежде всего императивом условия в настоящем и прошедшем, если главная предикативная единица передает действие этого временного плана: кет. *sō pučon ķōlat t'βer-ni iūkkan ķβeli pungəle-ji t'abet mat'toron ündəd't* 'хороши бобра уши-его: (если вот) проплыла (императив, условие в настоящем результативном) в воде рыба, (если вот) упал (императив, условие в настоящем результативном) лист в лесу — он услышал (сейчас — настоящее результативное)' (из сказки); *ķut gastučule tūkku-i βes apstembjku-z-at* '(если) кто в гости к ним приходил (императив, условие в прошлом), то они всех кормили (претерит)' (из сказки); *mat'tondj na ķum ķβen-nj mat'toron ķali-s* '(если, раз) этот человек ушел (императив, условие в прошлом) в тайгу, (то) он в тайге и остался (претерит)'. В свою очередь кондиционалис способен передавать условие в будущем: кет. *lozi ķβenni moķa sünde t'arrati tū-ma-nde me sінде ķβeč-čot (<*ķβečot)* 'черт ушел, вслед ему они-двое сказали: «(Если, когда) придешь (условие в будущем), мы тебя уьем» (футурум)' (из сказки).

Будучи включенными в семантику определенной синтаксической структуры, формы наклонений (с союзами и без них) являются и признаками определенной синтаксической зависимости, а именно условия / временной соотнесенности. Семантика косвенных наклонений, заключающаяся в данном случае прежде всего в соотнесении действия к будущему, тем не менее допускает передачу их формами условия и в ином временном плане

(настоящее, прошедшее). Отнесенность же к определенному временному плану у форм наклонений в зависимой части обуславливается тем, к какому временному плану относится действие главной части. Если сказуемое главной части относит действие к будущему, то зависимая предикативная единица передает условие / временную соотнесенность футурального временного плана. Если же сказуемое главной части выражает действие в настоящем или прошедшем, то условие / временную соотнесенность соответствующего временного плана передают и формы наклонений в зависимой части синтаксической конструкции. Следовательно, в данном случае можно говорить об амодальном (а также и об атемпоральном) употреблении словоформ парадигмы категории наклонения и об «отраженном», синтаксически обусловленном характере их значения. Фактически перечисленные наклонения функционируют в системе зависимой предикации рассматриваемых синтаксических конструкций как, например, простое деепричастие (южн.) или имя действия (сев.), для которых занятость в подобных синтаксических структурах достаточно типична: кет. *lože lukir-le (lukir-le) ite madamdj assa nūkku-t* '(когда) черт стучит, стучит (букв. стуча — простое деепричастие, временной план настоящего), Итя ему дверь не открывает (презенс I)' (из сказки); *esem tü-le madam nū-te* '(если, когда) отец придет (букв. придя — простое деепричастие, временной план будущего), дверь ему открой (императив, футуральный временной план)'; ср. таз. *apanj kora-ptä-ķjn šöttj imijamj iirj-sj* 'когда мой отец ездил в тайгу, умерла моя бабушка (букв. в отца-моего — посессивное склонение) поездку (имя действия в локативе абсолютного склонения, отнесенность действия к прошлому) в тайгу умерла (прошедшее время индикатива) моя бабушка)'; *kinom tatj-ptä-ķjntjn merķj ķumjn ukon ķankōtjn kluptj* 'когда в село привозят кино, старики первыми (раньше) идут в клуб' (букв. 'в кино (акк., абсолютное склонение) привоз (-их) (имя действия в локативе посессивного склонения, 3 л. мн.ч., отнесенность действия к настоящему), старики первыми (раньше) идут (настоящее время индикатива) в клуб)'; *najim i-ptä-ķjntj mākka sä tü-lä-ntj* 'когда купишь хлеба, приходи ко мне' (букв. 'в хлеба (акк., абсолютное склонение) взятие(-твое) (имя действия в локативе посессивного склонения, 2 л. ед. ч., отнесенность действия к будущему), приходи (оптатив, футуральный временной план) ко мне') (Мартынова 1993а : 99). Отличие состоит только в том, что имя действия и простое деепричастие могут соотносить передаваемое действие с действиями любого временного плана, а формы наклонений более склонны к использованию для соотнесения с действиями, ориентированными на протекание в будущем.

Синтаксически обусловленная способность передавать действие в разных временных планах как свойство отглагольных имен лучше выражена у селькупских императива и кондиционалиса (кет.), а конъюнктив (сев., южн.) и оптатив (сев.) могут выражать не только реальное, но и ирреальное условие (таз. *CL tat tääle tjeel maater-lä-nd (~ maatersand ene), man komde misam ene* 'если бы ты вчера просил (конъюнктив или оптатив), я бы деньги дал (конъюнктив)' (см. также ОчСЯ 400; Кузнецова 1991 : 259)). Поэтому использование императива в условно-временных синтаксических конструкциях может описываться как его транспозиция в сферу употребления кондиционалиса — для кетского диалекта, а оптатива — как транспозиция в сферу употребления конъюнктива, специализирующегося на передаче ирреальности — для тазовского (Кузнецова 1991 : 259; 1992 : 48). Но сущность транспозиции, т.е. ее отнесенность к определенному типу, в данном случае затемнена.

В плане диахронии параллельное использование опатива, императива, кондиционалиса, конъюнктивa в разносубъектных конструкциях условия / временной соотнесенности может быть представлено как вариативность синтаксической структуры их зависимой части за счет исторического чередования предикативных форм отглагольных имен, к которым восходят названные наклонения. Вариативность синтаксической структуры обусловлена, в свою очередь, функциональным (функционально-семантическим) сходством именных отглагольных образований, которое наблюдается в языке и на синхронном срезе (ср., например, деепричастие и инфинитив — Мартынова 1993б : 4).

2.2. Таксисное употребление относительных времен в полипредикативных конструкциях, в которых субъект одной (зависимой) части является реальным объектом действия другой (главной) части, и сказуемое зависимой части в форме относительного времени передает состояние такого субъекта / объекта. При подобном использовании относительные времена функционально смыкаются с причастиями в определительных полипредикативных конструкциях. В селькупском языке чаще всего встречается такой тип последних, в котором определяемое существительное обозначает предмет, являющийся объектом зависимого действия (Мартынова 1993а : 116). Таксисное функционирование относительных времен имеет место а) при использовании перфекта, прошлого в настоящем, также для передачи прошлого в прошлом. Оно наблюдается в полипредикативных конструкциях, части которых связаны между собой противительными отношениями: нар. *tab kǝj-j čimnãmd kǝnžǝrgu a čimnãdã kǝβan-ba* 'она хотела (претерит) увидеть брата, но брат уехал (перфект)' и т.п. Заслуживают упоминания предложения, в которых субъект зависимой части выступает в главной не в аккумулятиве (номинативе), а в инструментале, способном, как и аккумулятив, передавать реальный объект действия (таз. *qǝlysä šim miñäš* 'дай мне рыбы (рыбой — инструменталь)' (ОчСЯ 175); об. *mat kǝj-z-ak kǝβilžugu poǝazã poǝ aza kodoomžimba* 'я хотел (претерит) поехать порыбачить сетью (инстр.), но сеть не была готова (перфект)' и т.п). Использование перфекта для передачи прошлого в настоящем и прошлого в прошлом (нелокализованный во времени характер перфектного значения) было известно древним языкам, например, древнегреческому (Перельмутер 1969 : 14), и отмечается в ряде современных тюркских языков (Кормушин 1984 : 40—43); б) при использовании настоящего относительного, настоящего в настоящем, также для передачи настоящего в прошлом. В южноселькупских диалектах оно имеет место в полипредикативных конструкциях с дополнительными, реже — изъяснительными отношениями между главной и зависимой частью: кет. *üñgalžǝmβi-s-it kǝj matkǝn e-nde* 'слушал (претерит), кто дома есть (точнее: был (презентс II))'; нар. *paja kǝnžer-γ-at čβet kǝrǝnt ġirβj orβešpe-nda-ttã* 'старуха увидела (претерит), (что, как) возле дома грибы растут (точнее: росли (презентс II))'; тым. *teβit kadã-mba-tã rajispolkomtã mat kǝroγo kǝβat-t-ak* 'они сказали (перфект в значении претерита), (что) я медведя добыл (презентс II)' и т.п.

Транспозиция в морфологической парадигме — всегда явление синтагматического плана, парадигматический план по своему существу ее полностью исключает. Транспозиция — это проявление функциональной асимметрии формы и содержания, поэтому представляется конструктивным описанием транспозиционных значений словоформы через ее функции. Если под функциями грамматической формы понимать ее собственное значе-

ние и / или ее роль в организации единицы более высокого уровня (например, связующая функция наклонений в полипредикативных конструкциях условия / временной соотнесенности), то все функции словоформы могут быть сведены к нескольким сочетающимся между собой типам:

- 1) значимая, семантическая функция, когда грамматическая форма указывает на реальное свойство элементов в объективной действительности;
- 2) незначимая, асемантическая функция, когда грамматическая форма не отражает реальных различий объектов;
- 3) первичная функция, ради которой данная форма прежде всего существует в языке;
- 4) вторичная функция, результат переносного (транспонированного) использования данной грамматической формы (Гак 1986 : 29—30). Соответственно первичной, всегда значимой функции словоформы, отражающей парадигматическое значение, могут быть противопоставлены вторичная значимая функция как отражение семантического переноса и вторичная незначимая функция как результат функциональной транспозиции. Под незначимостью в данном случае понимается утрата словоформой значения лишь соответствующей грамматической категории, но не утрата значения вообще.

Описанные типы транспозиции, семантическая и функциональная, хронологически соотносимы в селькупском языке следующим образом. Если первая, более поздняя, очевидно, возникла уже после становления парадигмы категории наклонения — времени, то вторая отражает более древнее языковое состояние, когда отглагольные имена еще только входили в систему форм финитного глагола, а формирующиеся времена и наклонения мало чем отличались от предикативных имен. Сохранение следов этого древнего состояния в языках самодийской группы на синхронном срезе, по-видимому, и позволило М. А. Кастрену утверждать, что в них нет времен и наклонений в том смысле, в каком они представлены в родственных финно-угорских языках (Castrén 1854 : 365—366). Своеобразие самодийского спряжения отмечалось и другими исследователями языков данной группы (см., например, N.-Sebestyén 1970 : 224—225; Künnap 1978 : 9—10).

Сокращения

Диалекты селькупского языка: нар. — нарымский, кет. — кетский, таз. — тазовский, тым. — тымский, об. — обский, сев. — диалекты северной группы, южн. — диалекты южной группы;

ИГРЯ — Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол, Москва 1982;

ИТМГЯ — Историко-типологическая морфология германских языков. Категория глагола, Москва 1977; **ЛЭС** — Лингвистический энциклопедический словарь, Москва 1990;

ОчСЯ — А. И. Кузнецова, Е. А. Хелимский, Е. В. Грушкина, Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект, Москва 1980; **ОЯ** — Общее языкознание. Внутренняя структура языка, Москва 1972; **CL** — Samojedische Sprachmaterialien. Gesamelt von M. A. Castrén und T. Lehtisalo, Helsinki 1960 (MSFOu 122).

ЛИТЕРАТУРА

- А х м а н о в а О. С. 1966, Словарь лингвистических терминов, Москва.
 Б а л л и Ш. 1955, Общая лингвистика и вопросы французского языка, Москва.
 Б о н д а р к о А. В. 1990, Темпоральность. — Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность, Ленинград, 5—58.

- Бубрих В. Д. 1955, Историческая морфология финского языка, Москва—Ленинград.
- Гак В. Г. 1986, Теоретическая грамматика французского языка. Морфология, Москва.
- Гальцова Н. П., Кузнецова Н. Г. 1993, Категория времени в южноселькупских диалектах. — LU XXIX, 284—302.
- Есперсен О. 1958, Философия грамматики, Москва.
- Кормушин И. В. 1984, Система времен глагола в алтайских языках, Москва.
- Кржижкова Е. 1978, Понятие нейтрализации в морфологии. — Языкознание в Чехословакии, Москва, 119—133.
- Кубрякова Е. С. 1978, Части речи в ономаσιологическом освещении, Москва.
- Кузнецова Н. Г. 1988, Эволюция опатива в диалектах селькупского языка. — СФУ XXIV, 189—194.
- 1991, К вопросу об эволюции категории наклонения в диалектах селькупского языка. — LU XXVII, 256—271.
- 1992, Императив в южных диалектах селькупского языка. — LU XXVIII, 44—49.
- Лабанаускас К. 1976, Будущее время в ненецком языке. — СФУ XII, 108—112.
- Мартынова Е. И. 1993а, Состав и синтаксические функции инфинитных форм селькупского глагола. Канд. дисс., Новосибирск (рукопись).
- 1993б, Состав и синтаксические функции инфинитных форм селькупского глагола. Автореферат канд. дисс., Новосибирск.
- Мейе А. 1951, Общеславянский язык, Москва.
- Морева Л. В. 1975, Будущее время в селькупском языке. — Языки и топонимия Сибири VII, Томск, 119—124.
- Перельмутер И. А. 1969, К становлению категории времени в системе индоевропейского глагола. — ВЯ 5, 11—21.
- Пешковский А. М. 1956, Русский синтаксис в научном освещении, Москва.
- Потеня А. А. 1958, Из записок по русской грамматике, Москва.
- Серебрянников Б. А. 1974, Вероятностные обоснования в компаративистике, Москва.
- Соболева П. А. 1980, Словообразовательная полисемия и омонимия, Москва.
- Сорокина И. П. 1984, Будущее время в энецком языке. — Структура палеоазнатских и самодийских языков, Томск, 115—120.
- Теньер Л. 1988, Основы структурного синтаксиса, Москва.
- Терешенко Н. М. 1965, Ненецко-русский словарь, Москва.
- Храковский В. С., Володин А. П. 1986, Семантика и типология императива. Русский императив, Ленинград.
- Castrén, M. A., 1854, Grammatik der samojedischen Sprachen, St.-Petersburg.
- Künnap, A. 1978, System und Ursprung der kamassischen Flexionssuffixe II. Verbalflexion und Verbalnomina, Helsinki (MSFOu 164).
- N.-Sebestyén, I. 1970, Zur juraksamojedischen Konjugation. — FUF XXXVIII, 137—225.

N. G. KUZNECOVA (Tomsk)

ZUR SYSTEMATISIERUNG VON TRANSPOSITIONSERSCHEINUNGEN IM MORPHOLOGISCHEN PARADIGMA

Im vorliegenden Artikel versucht die Autorin, Transpositionserscheinungen im süd-selkupischen verbalen Paradigma zu systematisieren. Dabei unterscheidet sie zwei Grundtypen der Transposition: semantische (mit der Neutralisation der Signifikate; mit der Neutralisation der Denotate) und funktionelle (syntaktische).